

В. Г. Белинский

Ижорский. Мистерия

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834--1836. Дмитрий Калинин.

Вступит. статья к собр. соч. Н. К. Гея.

Статья и примеч. к первому тому Ю. В. Манна.

Подготовка текста В. Э. Богграда.

М., "Художественная литература", 1976

[OCR Бычков М. Н.](#)

ИЖОРСКИЙ. Мистерия. Санкт-Петербург, в типографии III отделения собственной е. и. в. канцелярии. 1835. X. 151. (8).

Знаете ли, что должно составлять необходимую принадлежность всякой книги, чего должен искать при всякой книге читатель? - *Предисловия*. О, предисловие великое, необходимое дело! Я имел тысячу случаев заметить это. Предисловие для книги гораздо важнее, чем для человека платье: по платью можно ошибиться, по предисловию никогда. Пословица говорит: по платью встречают, по уму провожают; для чего нет пословицы, которая бы говорила: по предисловию книгу встречают, по предисловию и провожают, то есть кладут на стол или под стол? Для чего позволяют печатать книги без предисловий? От какой скуки, от какой потери денег и времени избавились бы читатели, и скольких бы читателей лишились многие гг. авторы!

Когда я прочел предисловие к "Ижорскому", то содрогнулся от ужаса при мысли, что, по долгу добросовестного рецензента, мне должно прочесть и книгу; когда прочел книгу, то увидел, что мой страх был глубоко основателен. Господи боже мой! И в жизни такая скука, такая проза, а тут еще и в поэзии заставляют упиваться этою скукою и прозою!.. Но мне надо обратиться к моему рассуждению о предисловиях: оно будет самою лучшею критикою на "Ижорского".

Было время, когда правила творчества были очень простые, ясны, определенны, немногосложны и для всех доступны: кто прочел "Словарь древняя и новая поэзии" г. Остолопова, тот смело мог вербоваться в поэты, кто же, к этому, прочел лекции и критики Мерзлякова, тому ничего не стоило сделаться великим поэтом и даже написать эпическую поэму не хуже "Илиады". Все писали на один лад: прочитаешь две-три страницы и уж знаешь вперед, что следует и чем кончится. Оттого и предисловия были очень кратки: в них автор обыкновенно говорил, кому подражал и из кого заимствовал. Это блаженное время кануло в вечность, и вдруг законы творчества сделались так мудрены, высоки и многочисленны, что самые записные законники, как ни бились, не могли понять в них ни слова и, рассердись, торжественно объявили их нелепыми. Потом, видя, что их принимает вся талантливая и пылкая молодежь, а с нею и публика, они приуныли точно так же, как приуныли теперь старые крюкотворцы от нового Свода законов¹. Следствием этой реформы было то, что все книги стали появляться с предисловиями, и предисловиями длинными, в виде рассуждений, диссертаций, разговоров, писем и пр. Дело в том, что наши авторы как-то пронюхали, что создания Гете, Шиллера, Байрона, Вальтер Скотта, Шекспира и других гениальных поэтов суть поэтические символы глубоких философических идей. Вследствие этого и наши молодцы начали тормозить немецкую философию и класть в основу своих изделий философические идеи. Все было это очень хорошо, но вот в чем беда: они не знали того, что мысль тогда только поэтична, если можно так сказать, когда проведена через чувство и облечена в форму действием фантазии, а что, в противном случае, она есть пошлая, холодная, бездушная аллегория. Они не знали, что великие поэты, соблазненные их своим примером, оттого сообщали своим созданиям глубину мысли и высоту идей, что они жили и дышали этими мыслями и идеями, что они не придумывали этих мыслей и идей, но только освобождались от тяготившего их избытка оных, что они не искали этих мыслей и идей, но что эти мысли и идеи искали их, так как истинный поэт не ищет рифмы, но рифма ищет его, что, наконец, они не старались развивать практически этих мыслей и идей для убеждения ума читателей, но выражали их бессознательно и бесцельно. Наши авторы думали, что здесь дело идет только о том, чтобы взять какую-нибудь идею, обдумать ее логически, да и приделать к